

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ

В. В. ОГЛЕЗНЕВ

Томский политехнический университет

Томский государственный университет

ogleznev82@mail.ru

VITALY OGLEZNEV

Tomsk State University, Russia

CONCEPTUAL ANALYSIS IN LEGAL PHILOSOPHY: THE LIMITS OF ITS APPLICATION

ABSTRACT. The paper presents a study of the place and importance of conceptual analysis in the methodological arsenal of analytical jurisprudence. It shows the historical importance and necessity of conceptual analysis in law, taking into account the specific features of this area of the humanities. Brian Leiter's arguments against an application of conceptual analysis in legal philosophy have been considered, as well as counter-arguments to naturalized jurisprudence. It has been shown that Leiter's claim to accept W. V. O. Quine's view that philosophy should abandon conceptual analysis for a scientific methodology does not work in legal philosophy.

KEYWORDS: Plato, *Cratylus*, conceptual analysis, legal philosophy, methodology, legal language.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проекты № 12-33-01380a2, № 13-33-01289a2) и Совета по грантам Президента РФ (проект № МК-2149.2014.6).

Философия права, как и любая другая отрасль научного знания (особенно, философия), несвободна от методологических проблем и противоречий. В то же время своеобразие исследуемой области обуславливает разнообразие методологических подходов. Это допущение позволяет В. Родригес-Бланко утверждать, что, поскольку основной задачей философии права является выяснение онтологических и эпистемологических особенностей правовых явлений, то дискуссии касательно используемой методологии можно локализовать в двух основных подходах – дескриптивном и нормативном, в рамках которых возможно выделить самостоятельные направления. Объединяющей идеей для представителей дескриптивной методологии является утверждение, что право

поддается описанию, но в зависимости от того, как это делается, можно дифференцировать два следующих направления. Представители первого направления (М. Мур, Б. Лейтер, Д. Бринк и др.) отмечают, что задачей юриспруденции является описание либо естественных, либо функциональных сторон права. Предметом описания и объяснения выступают юридические или этические сущности, имеющие пространственно-временную упорядоченность и взаимосвязь. Представители второго направления (Г. Харт, Дж. Колман, К. Химма и др.) считают, что задачей юриспруденции является описание правовых понятий посредством применения метода концептуального анализа, которому они придают первостепенное значение. С другой же стороны, представители нормативной методологии (Р. Дворкин, С. Перри, Дж. Финнис и др.) придерживаются мнения, что и концептуальный анализ и описание юридических или этических сущностей не лишены недостатков, поэтому право нуждается в моральных аргументах и оценочных суждениях, которые являются необходимыми элементами сущности права (Rodriguez-Blanco 2006, 26–27).

Д. Паттерсон верно отмечает, что методология – это грамматика юридической аргументации и материя юридической практики (Patterson 2011, 240). Действительно, отсутствие методологии не позволяет нам продуцировать, обсуждать и оценивать правовые суждения. А поскольку обсуждение методологии права имплицитно содержит серьезные вопросы о сущности права и теоретико-правовых проблемах, то именно через их всестороннее обсуждение, мы приближаемся к тому, что позволяет нам увидеть картину права в более ясном виде. В этом смысле поиск релевантных методологических инструментов становится основной задачей философии права XX века. Интерес философов права к исследованию методологии науки был спровоцирован, в первую очередь, бурным развитием в начале двадцатого столетия аналитической философии. Заимствование общей методологической установки аналитической философии, что большая часть философских проблем может быть решена внимательным и осторожным отношением к языку, характеру употребляемых понятий и их концептуальным различиям, позволило философии права разработать свой собственный методологический проект. Под влиянием аналитической философии (логического и лингвистического позитивизма) правовые позитивистские воззрения подвергаются значительному усовершенствованию, что наиболее явно находит свое отражение в положениях «аналитической философии права» (Афонасин–Дидикин 2006, 10). Внимание к языку права, анализу структуры и логики правовых норм, анализу содержания нормативного предписания обусловили становление и развитие аналитической философии права, изначально понимаемой в качестве специфического направления самой аналитической философии, а затем – в качестве самостоятельной отрасли научного знания (Оглезнев 2012, 31–55). Г. Харт, один из родоначальников аналитической юриспруденции, так определил ее предметную область: «...современная [аналитическая] философия не только занимается проблемами обыденного языка, но и *говорит* на нем; и теперь между двумя этими

науками [аналитическая философия и юриспруденция] больше не существует барьера из метафизического жаргона технических терминов» (Hart 1953, 357–358). Схожую мысль мы обнаруживаем у Дж. Раза в трактовке Дж. Диксон: «Аналитическая юриспруденция занимается объяснением природы права, пытаясь выделить и объяснить те черты, которые делают его тем, что оно есть. Успешная теория права этого типа представляет собой теорию, состоящую из утверждений о праве, которые (1) с необходимостью являются истинными и (2) адекватно объясняют природу права... Я использую выражение “природа права” для обозначения тех существенных свойств, которые должна проявить данная совокупность явлений с тем, чтобы быть правом» (Dickson 2001, 17). Действительно, своим основным предметом аналитическая философия права считает «прояснение» языка, на котором формулируются философски значимые вопросы и утверждения. Достичь этого можно только путем точного определения всех используемых понятий и их соотнесения с эмпирически наблюдаемыми явлениями; в этом смысле суть аналитической философско-правовой традиции можно передать различными оттенками английского слова «intelligibility».

Для философии в целом анализ всегда имел важное эпистемологическое и гносеологическое значение, поскольку позволял не только прояснить, но и лучше понять то, на что он был направлен. Как однажды выразился Дж.Л. Остин: «Мы используем наше отточенное восприятие слов для того, отточить восприятие нами феноменов» (Остин 2006, 207). Хотя эту мысль едва ли можно счесть новой и оригинальной, тем не менее подобная исследовательская установка стала девизом англо-американской философии середины XX века. Платон в диалоге *Кратил* уже эксплицировал идею происхождения языка и образование слов: «Сократ: ...Какое значение имеют для нас имена, и что хорошего они делают? Кратил: Мне кажется, Сократ, они учат. И это очень просто: кто знает имена, тот знает и вещи. Сократ: Наверное, Кратил, ты имеешь в виду что-то в таком роде: когда кто-то знает имя, каково оно, – а оно таково же, как вещь, – то он будет знать и вещь, если только оно оказывается подобной имени, так что это искусство одинаково для всех взаимоподобных вещей. Мне кажется, именно поэтому ты сказал: кто знает имена, знает и вещи» (*Кратил* 435 d–e; пер. Т. В. Васильевой). Схожие с Остином мысли мы обнаруживаем у Харта: «Следуя за аналитическими исследованиями, мы стараемся заострить наше понимание того, о чем мы говорим, когда употребляем наш язык. Не существует прояснения понятий, не способного расширить наше понимание мира, к которому мы их применяем. Успешный анализ либо определение сложных и запутанных терминов или форм выражений, конечно же, включает некоторые существенные элементы в раскрытии факта, ибо в прояснении любых понятий мы неизбежно обращаем внимание на различия и сходства между типом явления, к которому мы применяем понятие, и другими явлениями» (Hart 1957, 967).

Дискуссии о методологии, изначально возникшие в эпистемологии, сегодня можно обнаружить и в других отраслях научного знания, в том числе и в философии права. Среди современных философов права можно найти тех, которые не просто разделяют тезис У. В. О. Куайна, что философии необходимо избавиться от концептуального анализа в пользу эмпирической методологии (Куайн 2010, 45–80), но активно развивают новое направление в философии права – натурализованную юриспруденцию (Дидикин 2008, Leiter 2007). Для реализации такого проекта предпринимаются попытки создания нового понятийного аппарата, объединяющего ряд категорий и понятий философии науки и философии права в их взаимосвязи. Но философия права, с негодованием отмечает Б. Лейтер, ярый противник и критик концептуального анализа, это – одна из немногих областей философии, которая проигнорировала критику Куайном концептуального анализа: «В то время как каждая основная область философии, будь то метаэтика, философия языка, эпистемология, философия науки или философия сознания, в течение последней четверти прошлого века испытала натуралистический поворот, и только англо-американская философия права осталась нетронутой этим интеллектуальным течением» (Leiter 1998, 80).

Мы же, напротив, считаем, что исследование употребления многих юридических понятий не предполагает и вряд ли может считать релевантным применение сциентистской методологии с ее безоговорочным доверием индукции и эмпирическим наблюдениям. Смысл предложения, содержащего юридические термины (и здесь мы разделяем позицию позднего Витгенштейна), детерминруется теми условиями, которые неиндуктивно (т. е. неэмпирически – с помощью «грамматических» конвенций) оправдывают употребление предложения.

Почему же философии права следует отказать от концептуального анализа? И так ли уязвим концептуальный анализ перед критикой Куайна или Лейтера? Лейтер вслед за Куайном отмечает, что «...не существует подлинного разделения между утверждениями, “истинными в силу значения” и “истинными в силу факта”, либо между “необходимыми” и “случайными” истинами; есть просто социально-исторический факт, что в любой рассматриваемой точке в истории исследования имеются как утверждения, от которых мы вряд ли откажемся в случае их противоречия непокорному эмпирическому доказательству, так и утверждения, которые при таком противоречии мы оставим вполне охотно» (Leiter 2003, 39). Неудовлетворенность обращениями к концептуальному анализу и интуициям, которые являются, по мнению Лейтера, несостоятельными с эпистемологической точки зрения, привели его к постулированию «натуралистического метода», в рамках которого возможно выделение двух взаимодополняющих тезисов: *содержательного тезиса*, в основании которого лежит допущение, что в отношении вопросов о том, что есть и что мы можем знать, у нас нет ничего лучше, чем успешная научная теория; *методологического тезиса*, указывающего, что поскольку философия занимается тем, что есть и что мы можем знать, она должна действовать как абстрактная отрасль успешной научной теории.

Д. Паттерсон и Дж. Обердик отмечают, что основной ошибкой и Куайна, и Лейтера является игнорирование того, что концептуальный анализ может принимать разные методологические формы и иметь разные эпистемологические установки. Куайн и Лейтер, напротив, рассматривают концептуальный анализ в качестве единственного метода философского исследования, причем напрямую зависящего от дистинкции аналитическое/синтетическое. В ответ на это Паттерсон и Обердик указывают на четыре (хотя их может быть больше) различные, но взаимосвязанные версии (вернее, разновидности) концептуального анализа, которые куайновский натурализм не в силах поставить под сомнение, и результаты приложения которых для философии права намного эффективнее, чем что бы то ни было из предложенного Лейтером или Куайном (Oberdiek– Patterson 2008, 70–74).

Первый вариант, выражаясь словами Ф. Джексона, является наиболее распространенной концепцией, указывающей, что «концептуальный анализ заключается в выявлении времени появления и наличия подтверждения истинности какой-либо статьи одного словаря каким-либо другим более фундаментальным словарем» (Jackson 1998, 28). Согласно этому подходу концептуальный анализ является необходимой предпосылкой ответа на вопрос об онтологической редукции, т. е. той разновидности редукции, которая имеет место, когда утверждается, допустим, что гены – это сегменты ДНК. Поэтому чтобы объяснить каузальные отношения между какими бы то ни было (особенно научными) понятиями и тем, что они обозначают, всегда приходится иметь дело с априорным анализом понятий более высокого уровня. Иными словами, суть анализа этой формы заключается в том, что анализ призван показать как и насколько один ряд терминов редуцируем до другого ряда, или установить, как изменяется постулирование традиционной теории в связи с появлением новой теории. Джексон утверждает, что эта форма метода схожа с куайновским методом парафраза, где «целью была бы не синонимия, а всего лишь приблизительное выполнение вероятных задач исходных предложений» (Куайн 2000, 167), или «если мы перефразируем предложение, чтобы устранить двусмысленность, мы ищем не синонимичное предложение, но – более информативное, посредством сопротивления некоторым альтернативным интерпретациям» (Куайн 2000, 121).

Второй тип концептуального анализа условно называется «терапевтическим». Он исходит из предположения, что основной задачей философии является обнаружение и устранение бессмысленных утверждений. Концептуальный анализ данного вида направлен на излечение мышления и речи от смешения метафизических понятий. Аппликация терапевтического философского анализа позволяет исправить *ненормальное* поведение в мышлении и речи, устранить неясности, иллюзии и странности или, по крайней мере, их обнаружить. Этот метод предполагает выявление концептуального ядра термина путем сравнения различных контекстов его употребления. Он характерен для работ Дж. Э. Мура, который не ставил задачу явных определений фило-

софских терминов, но скорее выяснял осмысленность философских вопросов, в которых эти термины фигурируют. По мнению Мура, полезность концептуального анализа может быть объяснена тем, что «во всех областях философского исследования, трудности и разногласия, которыми полна их история, возникают... в силу того что ученые пытаются ответить на вопросы, не уяснив окончательно, каковы те вопросы, которые они собираются решать» (Мур 1984, 37); ведь именно анализ и проведение тонких различий помогают точно определить содержание поставленных вопросов, что в конечном счете устраняет этот источник ошибок.

Третий вид концептуального анализа может быть определен как «концептуальное теоретизирование». К. Химма так его описывает: «концептуальный анализ пытается теоретизировать... интуиции и общие конвенции через установление глубинных метафизических обязательств, которые либо подразумеваются либо предполагаются этими интуициями, равно как и через определение более общих принципов, которые объяснили бы эти интуиции или конвенции. Несмотря на то, что это можно расценивать в качестве ясного философского предприятия или не расценивать в качестве такового, но, очевидно, что оно выходит далеко за пределы определенных эмпирических задач по фиксации обыденных интуиций или конвенций» (Himma 2008, 12). Эта форма концептуального анализа так же не может избежать метафизических требований. Химма отмечает, что даже у лингвистических конвенций, в которые мы вступаем, есть метафизические импликации. Например, предложение «2 является четным числом», подразумевает, что существует нечто, что мы обозначаем термином «2»; а поскольку предложение «мы не можем прикоснуться к 2» истинно, из этого следует, что 2 существует как абстрактный объект – это и есть метафизическое требование. Точно так же, если концептуальной истиной является то, что каждый холостяк является неженатым мужчиной, из этого следует, что невозможно быть женатым холостяком, поэтому требования возможных случаев находятся за пределами случайных эмпирических свойств нашего мира и являются по сути метафизическими. Концептуальный анализ не может сосредотачиваться исключительно на содержании понятий; он не может избежать предъявления метафизических требований по отношению к миру, несмотря на то, что они не являются абсолютными и, в том смысле, не могут не зависеть от той концептуального каркаса, в рамках которого они сформулированы.

Четвертая – это, так называемая, «упрощенная» версия концептуального анализа, не предполагающая, в отличие от версий, указанных выше, редукционизма и метафизических обязательств, но позволяющая через *переописание* установить исходные посылки или концептуальные основания. Суть концептуального анализа, как выражается Дж. Колман, заключается в «раскрытии наиболее характерных черт понятия, а именно, тех, что наиболее отчетливо проявляются при объяснении вещи, и имеют лингвистическую форму “поня-

тие чего-то” [the concept of] – именно они имеют решающее значение для нашего понимания» (Coleman 2001, 179).

Анализ специфических версий концептуального анализа и границ их применимости позволяет Паттерсону и Обердику утверждать, что, во-первых, не существует единственной формы экспликации этого философского метода, во-вторых, и это следует из первого тезиса, под критические аргументы Куайна, изложенные в «Двух догмах эмпиризма», подпадает лишь наиболее радикальная версия концептуального анализа (представленная первой версией), тогда как остальные остаются без внимания. И наконец, в-третьих, остается непонятным, несмотря на критику Лейтера, как можно обойтись без применения концептуального анализа при исследовании правовых понятий (Oberdiek– Patterson 2008, 74).

Дескриптивный концептуальный анализ в классическом представлении заключается в том, что он представляет собой априорную деятельность, которая стремится прояснить содержание понятия, рассматривая интуиции в отношении возможных случаев. Джексон так описывает подобную методологическую стратегию: «...концептуальный анализ осуществляется посредством обращения к тому, что представляется нам наиболее очевидным и значимым [относительно рассматриваемого понятия]... что обнаруживается нашей интуицией в отношении возможных случаев» (Jackson 1998, 31). По мнению Джексона, наши обыденные интуиции в отношении понятий позволяют нам понять содержание анализируемых понятий. Согласно этой концепции соответствующие интуиции являются чисто дескриптивными и не содержат моральных интуиций, например, в отношении добра или зла. Распознавание содержания понятия не предполагает фокусирование на нормативных моральных принципах (Coleman 2001, 213–214), даже тогда, когда понятия используются для оценки поведения. Например, для надлежащего анализа понятия «право» нет необходимости распознавания существующих стандартов понимания справедливости, хотя такие стандарты, наверное, были бы важны при ответе на вопросы вроде, какое право должно быть у определенного общества.

Джексон в отличие от Паттерсона и Обердика предлагает различать умеренную и неумеренную версии концептуального анализа (Jackson 1998, 43–44). Согласно *неумеренной версии*, концептуальный анализ позволяет нам понять, каким является мир; т. е. анализ содержания понятия, например, «право» позволил бы нам понять сущностную природу права, которая на самом деле не зависит от наших понятий. Концептуальный анализ *умеренной версии* описывает содержание понятия, распознавая свойства, отличающие возможные случаи, к которым оно применяется, от других возможных случаев, в отношении которых оно не применяется; этот анализ не описывает мир, как нечто находящееся вне наших понятий. Сам Джексон придерживается умеренной версии концептуального анализа. Если традиционный концептуальный анализ умерен по своему характеру, то Джексон преуменьшает роль наших лингвистических методов в определении содержания понятий. Критики традиционного кон-

цептуального анализа, типа Куйана, допускают, что если бы мы использовали символ «вода», чтобы обратиться к чему-то другому, чем к прозрачной жидкости, то тогда не было бы концептуальной истиной то, что вода – это H_2O , хотя, непременно, существовала бы некоторая концептуальная истина, соответствующая отношению между определенным понятием и H_2O . Понятия могли бы быть абстрактными объектами, независимыми от наших действий, но язык – это социальная конструкция, основанная на социальных практиках, конвенциях; и то какие понятия язык признает релевантными, определяется содержанием этих социальных практик.

Это допущение предполагает признание некорректным применение традиционной методологии дескриптивного концептуального анализа. Хотя философы права и пытаются часто оправдать свои концептуальные притязания обращением к «обыденным интуициям», но будет преждевременным, считает Химма, безоговорочно согласиться с этим тезисом. Интуиции, которые, действительно, имеют значение для концептуального анализа, являются по сути общими представлениями, показывающими как на практике использовать соответствующие термины (Himma 2008, 8). Традиционный концептуальный анализ в большей степени, хотя и не всецело, связан с идеей, что понятия являются смыслами или значениями. Концептуальный анализ направлен на распознавание содержания смысла соответствующего слова; этот анализ обычно осуществляется посредством распознавания свойств, которые позволяют отличить одни вещи, которые подпадают под соответствующее понятие, от других вещей. Эти отличительные свойства выражаются в форме необходимых и достаточных условий употребления понятия: так, например, если отличать право от неправа при наличии у обоих некоего общего свойства P_1 и отличительных свойств P_2 и P_3 , то для каждого X будет верно, что X есть право, если и только если X обладает свойством P_1 и свойством или P_2 или P_3 .

Таким образом, концептуальный анализ может принимать форму исследования используемых понятий через определение значений лингвистических терминов, он нацелен на установление, объяснение и теоретическое описание семантического содержания соответствующего понятию термина, тогда как содержание понятия не исчерпывается обычным значением соответствующего слова, оно определяется его значением. Целью концептуального анализа, как мы смогли убедиться, должно считаться раскрытие исчерпывающего репрезентативного содержания (или значения) некоторого правового понятия («субъективное право», «ответственность» и др.), а результатом – дефиниция этого понятия, в которой, как правило, специфицируются необходимые и вместе с тем достаточные условия его применения в определенных лингвистических контекстах. Кроме того, концептуальный анализ применительно к правовой сфере может рассматриваться как способ обнаружения «схемы» или «карты» априорных, необходимых концептуальных истин и категорий, которые провозглашаются условиями возможности языка как средства концептуализации опыта мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин, Е. В., Дидикин, А. Б. (2006) *Философия права*. Новосибирск.
- Дидикин, А. Б. (2008) «Современные интерпретации натурализма в аналитической философии права», *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Философия* 6, 59–63.
- Куайн, У. В. О. (2010) «Две догмы эмпиризма», *С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков*, пер. с англ. В. А. Суровцев. Москва: 45–80.
- Куайн, У. В. О. (2000) *Слово и объект*, пер. с англ. А. З. Черняка, Т. А. Дмитриева. Москва.
- Мур, Дж. Э. (1984) *Принципы этики*, пер. с англ. Л. В. Коноваловой под общ. ред. И. С. Нарского. Москва.
- Оглеzneв, В. В. (2012) *Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права*. Томск.
- Остин, Дж. Л. (2006) *Три способа пролить чернила: Философские работы*, пер. с англ. В. Кирющенко. Санкт-Петербург.
- Coleman, J. (2001) *The Practice of Principle*. Oxford.
- Dickson, J. (2001) *Evaluation in Legal Theory*. Oxford.
- Hart, H. L. A. (1957) “Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer,” *University of Pennsylvania Law Review* 105, 953–975.
- Hart, H. L. A. (1953) “Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945-1952),” *The American Journal of Comparative Law* 2, 355–364.
- Himma, K. E. (2008) “Reconsidering a Dogma: Conceptual Analysis, the Naturalistic Turn, and Legal Philosophy,” Michael Freeman, Ross Harrison, eds. *Law and Philosophy: Current Legal Issues*. Oxford: 3–36.
- Jackson, F. (1998) *From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis*. Oxford.
- Leiter, B. (2003) “Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence,” *American Journal of Jurisprudence* 17, 17–51.
- Leiter, B. (1998) “Naturalism and Naturalized Jurisprudence,” Brian Bix, ed. *Analyzing Law: New Essays in Legal Theory*. Oxford: 79–104.
- Leiter, B. (2007) *Naturalizing Jurisprudence: Essays on American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy*. Oxford.
- Oberdiek, J., Patterson, D. (2008) “Moral Evaluation and Conceptual Analysis in Jurisprudential Methodology,” Michael Freeman, Ross Harrison, eds. *Law and Philosophy: Current Legal Issues*. Oxford: 60–75.
- Patterson, D. (2011) “Methodology and Theoretical Disagreement,” Ulla Neergaard, Ruth Nielsen and Lynn Roseberry, eds. *Essays in European Method: Paradoxes and Revitalisation*. Copenhagen: 227–241.
- Rodriguez-Blanco, V. (2006) “Methodological Problems in Legal Theory: Normative and Descriptive Jurisprudence Revisited,” *Ratio Juris* 19, 26–54.